

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. О. Евтухов

**КАФЕДРА ИСТОРИИ
ДРЕВНЕГО МИРА
И СРЕДНИХ ВЕКОВ
БГУ**

**К 80-ЛЕТИЮ
СОЗДАНИЯ**

**МИНСК
БГУ
2015**

УДК 94(100):378.4(476-25)096(091)
ББК 63.3(0)р311
Е27

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом
Белорусского государственного университета*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент *О. И. Маюгин*;
кандидат исторических наук, доцент *С. П. Шуляк*

Евтухов, И. О.

Е27 Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ.
К 80-летию создания / И. О. Евтухов. — Минск : БГУ, 2015. —
223 с. : ил.

ISBN 978-985-566-128-4.

Книга посвящена истории становления и развития кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ и приурочена к 80-й годовщине ее создания. Основное внимание уделено научно-исследовательской и учебной деятельности сотрудников кафедры: академиков АН БССР Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, профессоров Ф. М. Нечая, Г. М. Лившица, В. А. Федосика, М. С. Корзуна, К. А. Ревяко и других. В издании представлены не публиковавшиеся ранее исследования академика В. Н. Перцева и доцента Г. И. Довгяло.

Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и всех, кого интересует история Древнего мира и Средних веков.

УДК 94(100):378.4(476-25)096(091)
ББК 63.3(0)р311

ISBN 978-985-566-128-4

© Евтухов И. О., 2015
© БГУ, 2015

ПРУССИЯ ОТ VI ДО IX ВЕКА

Центральный научный архив НАН РБ. Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева. Дело № 16. Пруссия до ее завоевания немцами. Л. 108 – 143. В данной публикации объединены III и IV главы рукописи: «Пруссия от VI до X века» и «Путешествие Вульфстана (Северо-западный торговый путь и внутренний строй Пруссии в IX в.)» по причине их тесной связи. Акцент при публикации делается на анализе источников, проведенном В. Н. Перцевым. Его научная полемика с немецкими историками XIX в. (в основном с Иоганом Фойгтом, автором вышедшей в 1827–1839 гг. девятитомной истории пруссов) в настоящее время составляет сугубо историографический интерес. В силу своей неактуальности ссылки на труды Фойгта и прочих авторов XIX в. сняты.

Опубликованные фрагменты монографии (сводная таблица):

Глава	Название	Место публикации
–	Введение	
1	Пруссия по данным античных авторов (до II столетия н. э.) – при публикации разбита на две части	Начальные периоды истории древней Пруссии (генезис прусской народности) // Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина. 1956. Сер. Ист. Вып. 30. С. 109–122; Хозяйственный и социальный строй древнейшего населения Пруссии (между I–IV вв. н. э.) // Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина. 1959. Сер. Ист. Вып. 50. С. 63–81
2	Пруссия II–VI вв.	
3	Пруссия от VI до X в.	Настоящее издание
4	Путешествие Вульфстана	Настоящее издание

Глава	Название	Место публикации
5	Пруссия в борьбе с немцами и Польшей (X–XIII вв.)	
6	Призвание немецкого ордена в Пруссию	
7	Отсутствует	
8	Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами — опубликована дважды	Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина. [Вып. 42]. К Тридцатилетию Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Горки, 1951. С. 99–123; Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина. 1955. Сер. Ист. Вып. 23. С. 90–123
9	Культура и религия древних пруссов	Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина. 1953. Сер. Ист. Вып. 16. С. 329–378

С VI в. в хозяйственной жизни Пруссии происходят некоторые сдвиги, первоначально слабые, потом более заметные. К сожалению, об этих сдвигах мы знаем только по очень односторонним данным, касающимся главным образом торговых путей, связывавших территорию Пруссии с соседними территориями. Как мы видели, обмен между Пруссией и античным миром от III до VI в. замер в связи с сокращением спроса на прусские товары из Рима и с засорением торговых путей в период т. н. «великого переселения народов». Археологические данные показывают, что уже в конце V в. торговля Пруссии опять оживилась и торговые пути, ведущие к ней, очистились. Военные дружины германских и других племен осели на местах и ограничили, частично совсем прекратили свои передвижения. Для торговли с прибалтийским севером складывались более благоприятные условия.

Но направление торговых путей должно было значительно измениться. Если раньше торговые пути в основном шли к Средиземноморью и Черноморью, т. е. в сущности к старым центрам античной культуры, то теперь, с падением Римской империи и возникновением на ее месте варварских государств, они переместились частично к юго-востоку, частично к северо-западу. На юго-востоке возникли такие крупные политические и торговые центры, как Константинополь, Итиль, столица хозарского царства, Булгар, столица камских болгар (в конце исследуемого периода), Киев, столица Руси. Но от V

до VIII в. оживление торговли с юго-восточными странами было еще незначительным. По-видимому, торговля в то время главным образом шла с Византией, но путь к ней был далек и труден. Да и Пруссия к тому же в Византии была тогда почти неизвестна. В большей степени торговля стала развиваться с VIII в., когда на востоке возникли новые рынки в Итиле, Булгаре и Киеве. Хозары, которые сами у себя ничего не производили, по свидетельству арабских источников, охотно покупали прусские предметы торговли. С VIII в. торговля прусскими товарами расширилась и на арабский халифат. Как высоко ценились меха в Аравии, об этом говорит свидетельство арабского писателя Масуди, сообщающего, что одна шкура черной лисицы стоила 100 золотых динаров. Но янтарь как предмет торговли арабские писатели уже не упоминают. Очевидно, он был вытеснен другими предметами, главным образом мехами, рабами, затем медом, воском, скотом, кожей и др. Взамен из Аравии в Пруссию шли монеты (дирхемы), дамасское оружие, предметы украшения, восточные благовония, вино, фрукты и т. п. О широком развитии этой торговли говорит большое количество арабских монет, которые найдены на территории Пруссии. Арабскими или иначе куфскими монетами (от города Куфа на нижнем Евфрате) усеяны как южные, так и северные берега Балтийского моря, в том числе и Пруссия. Однако торговля с халифатом замирает по мере приближения к XI в. и совершенно прекращается в скором времени после 1012 г. Арабских монет от более позднего времени на территории Пруссии не было найдено.

Едва ли арабские купцы сами ездили в Пруссию, о которой они ничего не знали. Если бы они посещали Пруссию, то от них до нас дошли бы некоторые сведения о ее внутренней жизни, ее природе и торговле с ней. Но таких сведений от арабов мы не имеем... Еще менее могли посещать арабские земли сами пруссы, ибо у них в то время не могло быть купцов как класса людей, избравших торговлю своей профессией и отдававших торговым путешествиям всю свою жизнь. Нет никаких следов и случайных заездов пруссов в восточные земли. Поэтому торговля Пруссии с халифатом носила не непосредственный характер и совершалась главным образом через посредство Итиля, Булгара или Киева. Мы знаем, что особенно часто арабскими купцами посещались рынки Итиля и Киева.

Более активную роль в торговле с Прибалтикой играли восточные славяне. Археологические данные несомненно говорят о наличии торговых сношений между славянами и племенами Восточной Прибалтики, особенно усилившихся там в период образования и расцвета Киевского государства, но существовавших уже с V–VI вв.

В значительной степени через восточные страны арабские товары достигали до Пруссии и прусские — до восточных рынков. Адам Бременский прямо указывает, что в Прибалтийском городе Юлине (Воллине) «встречались суда данов, норманнов, славян и сембов (т. е. пруссов); и другие народы Скифии (к Скифии Адам Бременский относил в то время славянский восток) ежегодно сходятся там из-за разных торговых нужд» (Gesta I, 42). Восточные славяне таким образом (но не они одни) вывозили прусские товары в Киев, откуда они попадали частично в Византию, частично к арабам. Прибалтийские порты, особенно тот же Юлин, часто посещались и западноевропейскими купцами, по тогдашнему обычаю не отказывавшимися и от грабежа, и эти купцы разбойничьей складки доставляли их также до Киева. Среди этих купцов особенно много было «данов» (по выражению латинских хроник), т. е. датчан и скандинавов. Их конунги были одновременно и пиратами, совершавшими морские набеги, и купцами, готовыми взять силою то, чего нельзя было купить, и купить то, что не поддавалось вооруженному грабежу.

О ранних нападениях скандинавских народностей, а именно данов, на Пруссию мы имеем сведения не совсем точного характера. Главным источником здесь является Саксон Грамматик. Но Саксон Грамматик писал главным образом на основе устной традиции и дошедших до него исторических народных песен, носящих характер саг. Сообщенные Саксоном саги могли заключать в себе некоторое историческое зерно, ибо в то время датчане действительно нападали на берега Балтийского моря, побуждаемые к этому скудостью местных средств существования, а также своим ранним знакомством с морскими путями. Но, конечно, все подробности, а отчасти и имена королей и героев, являются в сагах продуктом поэтического вымысла. Саги, переданные у Саксона, говорят о многочисленных набегах данов на Пруссию и соседние с ней земли. Уже в наиболее ранних сагах говорится о грабительских действиях датских героев. В саге, рассказывающей, по-видимому, о событиях V столетия, описываются подвиги Jtark Kodder'a, жившего при дворе датского короля Гаральда, своего рода Геракла севера, который вместе с одним славянским князем Wino воевал против прибалтийских племен. «Они воевали против куретов, племя которых находится в Ливонии, и против сембиев, т. е. пруссов, и против семигалов и позднее против всех восточных племен и одерживали долго и на широких пространствах славные победы» (SRP. I, 92). Другие саги также упоминают об аналогичных нападениях датских и других северных («скандийских») племен на Балтийское побережье...

Места разбойничьих действий всех этих героев и королей в сагах представлены не всегда точно, но ясно, что они касались широких территорий и затрагивали Пруссию. Из смысла саг видно, что скандинавско-датские дружины посещали берега Балтийского моря, от устья Вислы до Финляндии. Сюда входили Эстляндия, Курляндия, Лифляндия, Семигалия, Самбия и «дальше далеко простиравшиеся на восток земли» (SRP. I, 735). Рассматривая эти довольно многочисленные сообщения скандинавских саг о нападениях северных народов на Прибалтику (в частности, конечно, на Пруссию), следует отметить в них прежде всего то, что саги несомненно преувеличивали значение этих нападений и придавали им характер длительных завоеваний больших территорий. На самом деле все эти «славные победы» (*clarae victoriae*) и подчинение больших областей (*regiones*) имели характер только грабительских набегов с целью захвата добычи (и прежде всего рабов) и приводивших лишь к временному опустошению занимаемых территорий. Иного характера по условиям времени, принимая во внимание сравнительно небольшую численность скандинавских дружин и невозможность подвергнуть занимаемые территории прочной эксплуатации, эти набеги не могли иметь. Нужно помнить, что описываемые события относятся к очень раннему времени, по большей части до IX в., когда норманнские набеги и захваты еще не развернулись во всей своей силе.

Самый факт частых нападений скандинавов и данов на прибалтийские земли мы, однако, заподозрить не можем. Он вполне соответствовал и географическим условиям, в которых находилась тогда Прибалтика — в близком соседстве со Скандинавией, и разбойничьему характеру скандинавско-датских дружин. Судя по характеру сообщений, дружинники часто проникали далеко вглубь прибалтийских стран по суше, следовательно и вглубь Пруссии; достоверность этого мы также заподозрить не можем. Оставив небольшой заслон на берегу моря, скандинавы старались расширить область своих опустошительных набегов на возможно более широкие территории и увезти оттуда как можно больше добычи. Саги имеют тенденцию представить дело так, что туземцы платили нападавшим постоянную дань, но если эта дань и существовала в действительности, то она могла заключаться только в военной добыче, собираемой разбойничьим образом, или в откупных платежах, имевших целью освободиться за деньги или другое вознаграждение от дальнейших нападений северян. Рабы играли самую важную роль в захватываемой добыче. Не могло обойтись и без того, что иногда нападавшие вступали в торговлю с туземцами, т. е. покупали в обмен

или за деньги то, чего не могли взять силой, т. е. из разбойников превращались в мирных купцов. Участников в набегах было немного; туземные жители, конечно, им оказывали сопротивление, и потому покупка мехов, воска и других предметов для нападавших в отдельных случаях могла оказаться более выгодной, чем грабеж. Основным местом высадки была Самландия, и, по-видимому, оттуда скандинавы распространялись дальше.

С IX в. нападения скандиев на южные и восточные берега Балтийского моря участились. Датские хроники, относящиеся к этому периоду, сообщают, что иногда нападавшие оставались в землях, на которые они нападали, на постоянное жительство. Делали это не знатные даны, а люди рядовые, принадлежавшие к низким классам (*servi et populares*), для которых поселение в новых землях открывало, быть может, возможности улучшения их положения и которые думали не столько о подчинении себе других, сколько о сохранении своей свободы. Так, в одной датской хронике говорится о событиях самого конца IX в. (ок. 880 г.): «Лотекнут, сын Эрика Варна, царствовал 11 лет. В его время любой третий из рабов и простых людей выходил из Дакии (разумеется Дания. — В. П.), и они победили Пруссию, Семигалию, Карелию и многие другие земли, перебив мужчин, и остались там до настоящего времени» (*Petri Olai Chron. Reg. Dan. P. 114*). Аналогично сообщение Саксона Грамматика о старшем сыне короля Датского Гаральда Синезубого (935—985 гг.) — Гакуине (*Haquinus*). Саксон рассказывает, что под предводительством Гакуина «даны, завладев Самбией (т. е. Пруссией), перебили мужчин, заставили женщин вступить с ними в браки и, разорвав верность своим отечественным брачным союзам и прилепившись с большей страстью к чужим, связывали свою судьбу свадебными узами с врагом. Недаром сембы считают свою кровь тесно связанной с семьями датского рода. Ибо любовь к пленницам до того охватила душу победителей, что они, отказавшись от желания вернуться на родину, стали считать варварскую землю за свою родную, будучи более расположены к чужим, чем к своим собственным супругам» (*SRP. I, 735*).

Немецкие историки, исходя из своих пангерманистских концепций, склонны в этих сообщениях Саксона видеть один из аргументов в пользу дальнейшего укрепления северо-германских элементов в Пруссии. Они видят в датских поселениях на прусской почве опорные пункты и для датских завоеваний, и для датской торговли, и вообще для германо-датского влияния на Пруссию. Мало этого, некоторые из них склонны даже видеть в более поздней прус-

ской знати благородных потомков нормандских викингов, стремясь этим подчеркнуть северное происхождение старой прусской аристократии. При этом Фойгт самый город Данциг (в противоречии с вышеизложенным мнением Косины, который производит Данциг от крепости, основанной будто бы когда-то вселившимися в Пруссию готами) производит от слова даны, а мост для сбора дани при проезде через Вислу (*danniczy most*) толкует как датский мост (*pons Danensis*). Но приведенный текст из Саксона Грамматика показывает, что вселившиеся в Сембию, т. е. в Пруссию, датские колонисты ассимилировались с местным населением, как бы рассосались в нем и потому германизирующего влияния на Пруссию оказать не могли. Смысл сообщения Саксона заключается в том, что не даны германизировали Пруссию, а, наоборот, сами подверглись местному прусскому влиянию...

Тем не менее рассказы о «подвигах» норманнских (главным образом датских) героев и королей не оставляют никаких сомнений в том, что у скандиев-данов была возможность делать набеги на Пруссию и приобретать там большую военную добычу — и в виде дорогих мехов, и в виде рабов, и в виде некоторых предметов лесного, скотоводческого и охотничьего хозяйства. Даны и другие северные жители — при свойственной им предприимчивости и подвижности — могли пользоваться многими предметами своей добычи в торговых целях и в своих дальнейших полуразбойничьих, полуторговых путешествиях вывозить их и на киевский, и на итильский, и даже, может быть, на болгарский рынки. Там они встречались с арабскими купцами, и таким образом прусские товары достигали и до арабского халифата.

Другой путь, по которому шла тогдашняя прусская торговля, был путь северо-западный. Нужно сказать, что славянские народы — поляки, поморяне, кошубы и другие — так тесно обложили Пруссию с запада и юга, что проникнуть туда по суше для западноевропейских купцов было почти невозможно. Торговая связь Пруссии с Западом вследствие этого почти прекратилась, и только от времен Людовика Благочестивого до нас дошло скудное количество франкских монет, оказавшихся на территории Пруссии. Зато оставался еще другой путь для установления связи Пруссии с европейским западом; это был путь морской — через Северное и Балтийское моря — и этим путем пользовались западноевропейские путешественники, а за ними и купцы. Путь этот нам известен по описанию путешествия Вульфстана (*Wulfstan*), который дал нам

ряд интересных сведений не только о внешней торговле Пруссии, но и о внутренней жизни в ней.

Один смелый путешественник из Гедаби (Hedaby) в Шлезвиге по имени Вульфстан, о происхождении которого мы ничего не знаем, совершил по поручению короля Альфреда Великого путешествие к берегам Пруссии и, вернувшись, дал королю сведения и о дороге, по которой он ехал, и об особенностях и нравах той страны, которую он посетил.

Описание путешествия Вульфстана включено в сделанный между 887 и 900 гг. королем Альфредом Великим англо-саксонский перевод всемирной истории Орозия. Та страна, которую посетил Вульфстан, названа переводчиком Орозия Eastland, ее жители Estum (в немецком переводе Esterland и Esten). Термин Estum близок к эстиям Тацита, к Aestii Иордана или к Aisti Эйнгарда. Мы пользуемся текстом, приведенным в *Scriptores Regum Prussicarum* (SRP. I, 732—735) и снабженным немецким переводом, причем этот перевод до некоторой степени является и толкованием текста.

Начальным пунктом путешествия Вульфстана было местечко Гедаби в Шлезвиге (Haetum, как его называет описание путешествия Вульфстана), конечным — торговое местечко Трузо, недалеко от побережья «моря эстов» (т. е. Фришгаффа). Путешествие Вульфстана продолжалось семь дней и семь ночей. Путь лежал по Балтийскому морю мимо острова Борнгольма, который остался от Вульфстана влево, и вдоль берегов «страны вендов» (Weonodland), т. е. западных славян, живших на запад от Вислы (в Мекленбурге и Померании). После Борнгольма Вульфстан достиг Вислы, за которой лежала «страна эстов» (Eastland), т. е. по-видимому земля пруссов. «Висла, — говорится в описании, — большая река и имеет по своим сторонам земли видов и вендов; и земля видов принадлежит куретам. Висла выходит из страны вендов и вливается в море эстов (т. е. в Фришгафф)». Дальше описание упоминает реку Ifling (т. е. Эльбинг), которая «впадает в море эстов с востока и вытекает из озера, на берегу которого находится Трузо» (SRP. I, 732—733).

Свидетельство Вульфстана является новым доказательством территориальной устойчивости древнего населения Пруссии и его неизменного пребывания на одном и том же месте. Вульфстан находит эстиев на той же (в основном) территории, на которой они находились и при Таците, и при Германарихе, и при Теодорихе, и при Карле Великом. Характерно и то, что имя народа, населявшего Пруссию на протяжении веков, у всех авторов, писавших о нем до конца IX в. — и у Тацита, и у Кассиодора, и у Иордана, и у Эйнгарда,

и у Вульфстана, — остается неизменным. Неизменность территории говорит не только о территориальной, но и об этнической устойчивости населения древней Пруссии — при наличии, однако, некоторых сдвигов в сторону сближения с соседними племенами и народами.

Из приведенного описания Вульфстана видно, что в земле эстив был какой-то г[ород] Трузо, который находился недалеко от устья Эльбинга на озере, расположенном близко к морю. То, что это местечко было целью и конечным пунктом путешествия Вульфстана, посланного туда по распоряжению короля Альфреда, указывает, что Пруссию, которая называется в описании землей эстов, в Англии знали и ей интересовались. На пути к Трузо лежал целый ряд торговых городов, и это облегчало сношения между Англией и странами, примыкавшими к Северному морю (Швецией, Данией и Норвегией), с одной стороны, и со странами Балтийского моря — с другой. К ним принадлежали уже упомянутые Гедаби в Шлезвиге, Бирка в Швеции, священный город Аркона на острове Рюгене (Rue), Колобрег — недалеко от устья Персанти — и особенно «славный город» Волин (иначе Винета). Города эти в то время были широко известны не только в Западной Европе, но и по всему тогдашнему культурному миру. Через них шла торговля между германо-романским Западом и византийско-русским Востоком. Они были складочным местом для товаров, привозимых с северо-запада, и из них купцы разных стран — и норманны (в широком смысле слова «северные люди»), и славяне, и греки — развозили эти товары в разные места: в Византию, на Русь, на Волгу и Каму и, по-видимому, на запад — в Англию, Францию и даже Испанию. Пруссия не могла не быть затронутой этой торговлей. У Адама Бременского, сведения которого относятся к X в., есть совершенно ясные указания как о торговом значении этих городов, так отчасти и о прямой связи их торговли с Пруссией. Особенно большую роль отводит Адам Бременский городу Волину, который он называет Юлином. «У впадения Одера в море находится знаменитый город Юлин, знаменитая пристань, куда съезжаются варвары и греки (т. е. люди греческой религии, главным образом русские. — В. П.). Он самый большой из городов Европы (очевидно, имеется в виду славяно-пруско-литовская восточная Европа. — В. П.). Его населяют славяне вместе с другими народами — греками и варварами. В этом городе, богатом товарами всех северных народов, есть все, чего ни спросишь дорогого и редкого. Из него кратковременным плаванием сообщаются с одной стороны с Деминым, городом, лежащим недалеко от устья Пены, где обитают и руяне

(жители острова Рюгена. — *В. П.*). Оттуда направляются в область Семландию, которой владеют пруссы» (*Gesta II, 19*).

Аналогичны сведения Адама Бременского и относительно торговых связей Пруссии с городом Гедаби. Во времена Оттона I, по словам Адама, из этого порта «обычно посылались корабли в Славонию, и в Швецию, и в Семландию, — и в самую Грецию» (*Gesta IV, 1*). Через Гедаби Пруссия могла связываться и с более западными странами. В «Житии святого Ансгария» говорится, что туда стекались суда со всего света; отсюда шли янтарь, меха и рабы в Англию, Францию и Испанию. От Адама Бременского мы узнаем и о существовании торговых связей Пруссии со Швецией. Адам говорит о шведском торговом городе Бирка: «К этой пристани, которая наиболее безопасна в морских областях Швеции, ежегодно из-за разных торговых нужд стекаются суда данов, норманнов, славян и сембов и других народов Скифии». Из этих слов видно, что пруссы не только принимали у себя чужих купцов, но и сами отправляли свои суда — по крайней мере в ближайшие местности Балтийского моря.

Таким образом Адам Бременский, который является одним из главных источников для определения характера торговли и торговых дорог, связывавших Пруссию с другими странами, дает ряд указаний на существование торговли Пруссии с западом. Из западных стран сюда шли, по-видимому, оружие, предметы украшения (браслеты и кольца западного происхождения найдены в некоторых могильниках Пруссии, правда, в небольшом количестве), шерстяные ткани (так называемые фальдоны — *Faldones*) и, вероятно, другие предметы, о которых у нас, однако, прямых подтверждений ни в литературных источниках, ни в археологических данных не имеется. Со своей стороны Пруссия могла посылать на запад те же товары, что и на восток, с прибавлением к ним янтаря, который на западе нужен был для богослужбных целей и на который поэтому в христианских государствах был тогда большой спрос. Особенно много требовалось в западных городах мехов, и об их значении в торговле Адам Бременский саркастически говорит: «У них (т. е. у самляндцев. — *В. П.*) в изобилии находятся меха, и их гибельный запах прививает яд гордости нашей земле» (*Gesta IV, 18*), т. е. прививает гибельные привычки к роскоши.

Характерно, что монет северного происхождения в Пруссии найдено очень немного (в противоположность арабским дирхемам), и это указывает на то, что торговля с западом играла для Пруссии меньшую роль, чем с юго-востоком, и, по-видимому, сохраняла свой

меновый характер (припомним слова Адама Бременского: «золото и серебро у них значения не имеют» (Gesta IV, 18).

Свидетельства Адама Бременского устанавливают не только факт втянутости Пруссии в торговлю с западом. Отдельные места из Адама Бременского являются литературным подтверждением как данных скандинавских саг, так и археологического материала, свидетельствующего о довольно развитой торговле Пруссии — через посредство норманнов — с юго-востоком. Адам Бременский говорит в нескольких местах о греках и славянах, которые посещали прибалтийские порты.

Поэтому свидетельства Адама Бременского, с одной стороны, подкрепляют данные описания путешествия Вульфстана, говорящие о заинтересованности западной Европы в торговых сношениях с Пруссией, а с другой стороны, дают некоторый новый добавочный материал для суждения о торговых сношениях Пруссии с Византией и юго-востоком вообще.

Но не следует все-таки особенно преувеличивать роли внешней торговли в истории Пруссии VI—X вв. Во-первых, Трузо в описании путешествия Вульфстана фигурирует только как конечная цель этого путешествия, и его торговое значение из описания неясно. Упоминания о Трузо, как о прусской гавани, как о складочном месте для товаров, нигде не имеется, хотя сам факт посещения чужими судами и чужими торговцами Пруссии и прусских гаваней в достаточной степени подтверждается и Адамом Бременским, и археологическими находками, и — косвенным образом — скандинавскими сагами. Самое местоположение Трузо нам точно неизвестно, и о нем идут споры. Он, может быть, находился на месте позднейшей деревни Preussischmark, может быть, на месте города Эльбинге. Нейп предполагает, что Трузо был сначала деревней, позднее развившейся в город. Во всяком случае крупным торговым центром Трузо, по-видимому, ни тогда, ни впоследствии не был, и его роль ни в коей мере не может быть сравнена не только с ролью Волина, но даже и с ролью таких городов, как Бирка или Аркона. Это, по-видимому, был только укрепленный поселок небольшого торгового значения.

Во-вторых, Трузо, по-видимому, был единственным портом Пруссии, связывавшим и запад (главным образом через посредничество Волина, Гедаби и Бирки), и восток (через посредство Итиля, Киева, Булгара) с Пруссией. Едва ли в это время в Пруссии существовали другие торговые пункты. Данциг, хотя и на него есть указания в более позднем житии св. Адальберта, во всяком случае тогда еще не был торговым центром; о Кульме мы для того времени имеем

только очень смутные сведения, и если он тогда и существовал, то, во всяком случае, торговой роли не играл; о других «городах» Пруссии того времени мы также ничего не знаем. Самый вопрос о том, существовали ли в Пруссии в доорденские времена города, — хотя бы и внутреннего, а не международного значения, — является спорным, и мы разберем его потом, когда будем рассматривать внутренний строй Пруссии во время, непосредственно предшествующее орденскому завоеванию, ибо большинство источников относится к этому более позднему времени. Пока же заметим, что, хотя у Вульфстана и встречается слово «бург» (*burh*) (SRP. I, 733), как место пребывания «царей» Пруссии, но едва ли правильно безоговорочно переводить это слово, равно как и слово *urbs* в житии св. Адальберта (SRP. I, 236) и в польских хрониках, словом *Stadt* (SRP. I, 755). Вернее, это были просто укрепленные пункты. Перевод слова *burh* как город (*Stadt*) вызывал сомнения уже у Фойгта; в первоначальном значении термины *Burg*, *burh* — это *bergenderort*, т. е. место, где скрываются запасы или спасаются от нападений люди (от *bergen* — скрывать, спасать). Но, повторяем, к вопросу о характере городов в доорденской Пруссии нам еще придется вернуться.

В-третьих, торговые сношения Пруссии с соседями, по-видимому, встречали большое препятствие со стороны пиратов и сухопутных разбойников. Норманны, с одной стороны, были посредниками в торговле, но они же были разбойниками, которые мешали ее развитию в более или менее широких размерах. По отношению к Пруссии их роль, как помехи в торговле, была особенно велика, и пруссы вследствие своей политической раздробленности едва ли могли себя защитить от них, особенно во время наиболее яркого проявления активности норманнских разбойников: попытки отстоять свои и чужие суда, подвергавшиеся пиратским нападениям, пруссы иногда делали, но, по-видимому, без большого успеха. Адам Бременский называет пруссов «очень миролюбивыми людьми, которые охотно помогали тем, кто подвергался опасности на море или нападению пиратов» (*Gesta IV*, 18).

При всех этих ограничениях торговой роли города Трузо описание путешествия Вульфстана свидетельствует, что Пруссия уже в то время была втянута в международный обмен. Ее торговля, оживившаяся уже в V столетии, с VIII в. стала развиваться и распространилась и на близкий запад, т. е. на земли западных славян, на Данию, Швецию, Англию и пр., и на далекий восток, — вплоть до владений арабов. Все это указывает, что и в то время Пруссия была далеко не такой дикой и первобытной страной, как ее представляют себе

Трейчке, Кох и пр. немецкие историки. Их представление о Пруссии как о стране дикарей, «в которой человек боролся с медведем» как равный с равным в дремучих лесах и среди непроходимых болот и которую мог просветить только железный кулак немецкого рыцаря, ни в коем случае не может быть оправдано действительным положением вещей.

То же путешествие Вульфстана дает нам некоторые сведения и о внутренних порядках Пруссии. Сообщения Вульфстана бесхитроствы и чужды каких-либо тенденций. Вульфстану чуждо стремление, которое было у более поздних польских и немецких хронистов, — очернить пруссов и представить их диким и грубым народом, равно как ему чуждо и желание в чем-нибудь идеализировать их быт. Но для нас этот простодушный, несколько наивный тон рассказа Вульфстана ценен именно своей бесхитроствой и простотой.

Из его рассказа для нас ценно прежде всего указание на наличие деления пруссов на несколько общественных групп. В рассказе Вульфстана упоминаются четыре такие группы: во-первых, *cyning'и* — в обычном переводе короли, цари, во-вторых, *ricastan men* — т. е. богатые люди, в-третьих, *unspendigan* — т. е. бедные, несостоятельные, и, в-четвертых, *reowan* — т. е. рабы. В относящемся к этому делению месте рассказа Вульфстана говорится: «Страна эстов очень велика, и там находятся много бургов, и в каждом бурге есть свой король (*cyning*); и там много меда и рыбных ловель; и богатые люди (*ricastan men*) пьют конское молоко, а бедные (*unspendigan*) и рабы (*reowan*) — мед (SRP. I, 733)». Эта цитата из рассказа Вульфстана имеет за собой целую литературу. Она вызывает разные толкования, связанные с тем или иным пониманием целого ряда более поздних источников (Адама Бременского, польских хроник, Дусбурга и др.), касающихся непосредственно предорденских времен, и к этому вопросу нам еще придется вернуться, когда речь будет идти о внутреннем строе Пруссии в ближайшее время перед завоеванием ее немцами. Здесь же мы коснемся только того, что прямо относится ко времени Вульфстана и непосредственно вытекает из его сообщения. Хотя без некоторых ссылок на другие, более поздние источники и здесь нельзя обойтись. Из сообщения Вульфстана мы видим, что в Пруссии IX в. примитивной однородности населения уже не было и что социальная дифференциация продвинулась довольно далеко вперед. Но при попытке точнее определить характер каждой общественной группы, упоминаемой у Вульфстана, встречается ряд трудностей. Прежде всего является вопрос, что такое представляли

из себя те короли (*cyning*'и), о которых говорит Вульфстан. Конечно, при наличии многих бургов, в каждом из которых был свой *cyning*, исключается всякая возможность какого бы то ни было политического единства Пруссии в ту эпоху, что подтверждается и многими другими данными. Кюнинггов было много, и все они были независимыми друг от друга. Внешней необходимости для единства Пруссии пока еще не было. Нападения норманнов касались, главным образом и, может быть, даже исключительно, только Самбии. Поэтому внутри этой последней области мы встречаемся со стремлением к установлению общей власти в большей степени, чем в других областях Пруссии. С юга нападения поляков еще не начинались. Да и позднее, когда они начались, Пруссия была достаточно защищена естественными границами — лесами и болотами, и для задач обороны ее разрозненным областям и «городам» не приходилось еще искать опоры в политическом единстве. Об этом вполне определенно говорит Адам Бременский: «Они недоступны из-за своих болот и не терпят над собой никакого господина» (*Gesta IV, 18*). Если иногда происходили нападения на Пруссию, то ввиду благоприятных для обороны природных условий они отбивались отдельными племенными группами. Напоминаем слова автора более ранних польских хроник, составленных не позднее самого начала XII в., в которых также подчеркивается отсутствие необходимости иных средств защиты — кроме естественных, — и это указание (равно как и слова Адама Бременского) может быть вполне отнесено и ко времени Вульфстана: «земля эта до того укреплена озерами и болотами, что не могла бы быть так укреплена крепостями и городами, почему она не может быть до сих пор никем подчинена, ибо никто не в состоянии переправиться с войском через столько озер и болот» (*SRP. I, 747*).

Таким образом, внешнего толчка к объединению в Пруссии не было. Внутренние же связи, также отчасти вследствие слабого развития и внутреннего обмена, были очень слабы. Этим и объясняется наличие многих, по-видимому, независимых друг от друга царьков в Пруссии времени Вульфстана и, как увидим дальше, в более позднее время. Однако при попытках более точного определения общественного и политического положения этих царьков мы встречаемся с тремя различными мнениями.

Фойгт считал их князьями отдельных областей Пруссии. Так как он всюду искал, согласно со своей основной германистической концепцией, готских элементов в Пруссии, то он производил их от готских *reiks*, т. е. царьков (*reges, regulis*), видя в них прямых по-

томков тацитовских племенных князей. Следовательно, кюнинги Вульфстана это, по мнению Фойгта, власть германского, готского происхождения. При этом Фойгт находил, что они стояли во главе крупных областей, на которые делилась Пруссия (т. е. Самланда, Кульмской области, Помезании, Погезании, Бармии, Бартии, Галиндии и др.), — числом не более 11—12. В таком случае и царьков было также не более 12-ти и, конечно, они особого общественного класса образовать не могли, хотя кругом их могла сгруппироваться тогдашняя знать, как кругом представителей ее интересов.

Другое мнение представлено главным образом Теппенем. Теппен склонен считать этих князьков только главами отдельных сотен в мирное время (*Hunderschaften*) (SRP. I, 53—54). Сотни составляли только части областей, и поэтому, согласно с мнением Теппена, число таких «кюнингов» было значительно больше.

Наконец, по третьему мнению, которое защищал главным образом Гейн, и вульфстановские кюнинги, и даже более поздние дусбургские *reges* (цари) или *reguli* (царьки), представляли из себя не что иное, как деревенских старост (*Dortschulzen*), число которых было очень велико и которые могли составить довольно значительную общественную группу. Будучи деревенскими Шульцами, они, по мнению Гейна, были властью не древнего, готского происхождения, а более новою, выросшею из средневековых, а не из тацитовских (по времени) источников.

Оставляя более подробное рассмотрение характера и территориального объема власти этих князьков до другого места, когда нам придется рассматривать более позднее время, на основании более широкой группы источников, заметим пока, что мнение Фойгта, по которому каждый князь обладал властью в пределах целой области, и тем более его мнение, что власть князей Пруссии восходит к готским временам, не может быть оправдано ни сообщением Вульфстана, ни более поздними данными. Едва ли также прав и Гейн, считая кюнингов Вульфстана и более поздних прусских *reges* — безоговорочно и при всех условиях — только безвластными деревенскими старостами (вроде сельских старост в дореволюционной России). Вернее всего, что ни терминология, ни характер власти этих князьков в IX—X вв. (и, вероятно, даже в более позднее время) еще не установились, и кюнинги Вульфстана могли быть в одних случаях сельскими старостами, а в других — стоять во главе и более широких объединений, т. е. сотен, да и то только в мирное время. Вообще время, о котором рассказывает Вульфстан, было неустойчивым

и переходным. Старые родственные узы рвались, возникали новые связи, и на их основе должны были образовываться и новые объединения людей и по селам, и по сотням. В соответствии с этим должны были возникнуть и сельские, и сотенные власти. Конечно, они имели не всюду одинаковый характер, но Вульфстан вглубь вещей проникнуть не мог и в своем бесхитростном рассказе просто хотел сказать, что властей было много. Сделать из его сообщения более точные выводы, чем тот, что в Пруссии его времени было чрезвычайное многовластие, мы не можем. Возникла ли в то время под влиянием хотя бы экстренных обстоятельств военной обстановки какая-либо более широкая власть, чем власть местных князьков, иначе говоря, власть общих предводителей на время войны, подчинявших себе ополчение нескольких районов, играли ли в Пруссии в то время ту или иную политическую роль жрецы, существовали ли в той или иной форме народные собрания и советы знати — на все эти вопросы можно будет дать хотя бы приблизительный ответ только на основании сличения многих источников, главная часть которых трактует о времени, непосредственно предшествовавшем орденскому завоеванию, когда обстоятельства — под влиянием усилившихся потребностей обороны — значительно изменились.

Также во всей широте мы не будем пока (в связи с рассказом Вульфстана) рассматривать вопрос и о характере прусской аристократии. О наличии богатых (*ricostan*) людей Вульфстан упоминает и в приведенном выше отрывке, и несколькими строками ниже, когда он рассказывает об обычае пруссов выдерживать труп умершего несожженным в течение довольно долгого времени: особенно же долго, говорит он здесь, выдерживались без погребения тела «царей» и «людей высокого ранга» (*þa ordre heah ðungene men*) (SRP. I, 734).

Таким образом, аристократия в Пруссии, по рассказам Вульфстана, существовала. На чем же были основаны ее богатства и ее права на высокий ранг (*ordre heah ðungene*)? В немецкой литературе есть тенденция считать этих *ricostan* дворянами. Но, конечно, в применении к рассматриваемому времени этот термин для Пруссии является анахронизмом, ибо дворянство — это класс, возникающий только в феодальную эпоху. Пруссия же в IV в. до стадии феодализма еще не дошла. Но знать эта не была в то же время и чисто родовой, ибо ее значение, как это ясно из рассказов Вульфстана и из самой терминологии, им употреблявшейся, было основано на богатстве, т. е. на имущественном признаке. Характер-

но при этом указание Вульфстана на употребление кумыса только знатью и бедными людьми — меда. Фойгт объясняет это большей опьяняющей силой кумыса, чем меда. Едва ли это так, потому что опьяняющая сила того или иного напитка зависит не от материала, из которого он изготавливается, а от большей или меньшей силы брожения. Вернее, большее употребление кумыса знатью объясняется тем, что только богатые люди могли иметь большие стада лошадей. У бедных людей лошадь в то время, по-видимому, была только рабочим скотом, что понижало ее молочность. У богатых же лошади могли служить и молочным, и рабочим скотом, и, вероятно, также и для военных целей. Больших стад лошадей хватало на всякие нужды. И Вульфстан, и более поздние источники говорят о широком развитии пользования лошадьми у пруссов, что, конечно, могло быть доступным не для всех, а только для богатых и знатных людей.

Рассматривая вопрос об источниках богатства Пруссии, нельзя, конечно, забывать и разнообразия ее природных и экономических условий. На юге Пруссии преобладали леса и болота, на западе и севере было больше пригодных для земледелия и скотоводства полей и лугов. Поэтому в западной и северной Пруссии богатства должны были заключаться главным образом в земле, скоте и рабах, на юге же — в дорогих шкурах, ценных мехах и рыбных ловлях.

Большую роль в образовании богатства и вообще в расчленении общества на классы играла в Пруссии и торговля. Богатые люди в своем распоряжении имели много кожи, мехов, янтаря, меда и рабов, и торговля им служила, как это всюду бывает, источником накопления. Некоторую роль в накоплении играла и военная добыча, но для рассматриваемого времени значения ее преувеличивать не следует, т. к. пруссы, по свидетельству и более поздних источников, были народом миролюбивым и по отношению к соседям ограничивались только обороной. Войны между отдельными племенами, конечно, происходили, но они ограничивались только мелкими взаимными набегами, которые особенно большой добычи дать не могли, хотя и играли известную роль в возвышении военных вождей. Фойгт придает довольно большое значение образованию в это время военной знати, но по всем данным война до XI в. играла в жизни пруссов еще небольшую роль. В этом отношении более раннее время, известное нам по данным античных авторов, представляло собою большую возможность для выделения из среды прибалтийского населения дружинных элементов, ибо тогда военные столкновения между отдельными племенами северо-восточной Прибалтики

и между ними и Римской империей происходили чаще. Значение войны, как фактора, содействовавшего разорению одних и обогащению других, вновь выступает лишь в следующие столетия (XI—XIII), когда пруссам пришлось вести напряженную борьбу за существование против Польши и немцев.

Третьим классом прусского общества, по Вульфстану, были бедные, несостоятельные люди (*unspendigan*). Характерно то, что Вульфстан определяет и этот класс — равно как и выше его стоящий класс богатых (*ricostan*) — по имущественному признаку, по степени его состоятельности, что уже одно само по себе говорит о далеко зашедшем разложении родового строя. В этот класс входили рядовые свободные люди, которые, по-видимому, и составляли тогда большинство прусского населения. Этот факт следует отметить, потому что в более поздних источниках соответствующий класс *ignobiles* (незнатные) (*Cron. ter. Pruss. III, 220*) состоит уже не только из свободных, но и несвободных людей, что указывает на сокращение с течением времени количества просто свободных людей.

Что касается до четвертого класса прусского общества по Вульфстану, т. е. до *þeowan* (в немецком переводе Гейна этот термин передан как *sclaven* — рабы), то у нас мало данных для более или менее точного определения этого класса; да и сам Вульфстан едва ли мог обстоятельно познакомиться с ним во время своего короткого пребывания в Пруссии. По-видимому, он под *þeowan* разумел вообще зависимых людей, т. е. и рабов, подчиненность которых тогда носила патриархальный характер, и закрепощаемых. Источниками такой зависимости могли служить и задолженность, и разорение, которое возникло во время межплеменных войн, и военный плен. Маркс в применении к начальным периодам орденового завоевания употребляет для характеристики зависимости пруссов от рыцарей термин «рабство», а для характеристики зависимости ливов — термин «илоты». Так как илоты представляют собой класс зависимых людей, посаженных на землю, т. е. близких к крепостным, мы находим в этой терминологии Маркса, относящейся к прибалтийским племенам вообще, некоторое подкрепление взгляду, что в Пруссии в то время, как и в остальной Прибалтике, существовали разные формы зависимости от патриархального рабства до ранних форм крепостничества, что вообще свойственно переходным периодам. То, что Вульфстан выделяет *þeowan* в особую общественную группу, дает основание думать, что число их даже в IX в. было довольно велико. Но сделать более точные выводы из сообщения Вульфста-

на и из других относящихся к этому времени данных мы не имеем возможности.

Очень любопытен рассказ Вульфстана о погребальных обычаях пруссов. Он проливает некоторый свет на вопрос о возможностях накопления в Пруссии, и потому мы приведем из него наиболее существенную часть. Рассказ начинается с уже цитированного упоминания о длительном хранении трупов умерших. «У эстов есть обычай, что, если кто умирает, он остается лежать несожженным у своих родственников или друзей один — два месяца; цари же и люди высокого ранга — тем дольше, чем больше они имеют богатства; иногда они остаются несожженными до половины года и лежат на поверхности земли в своих домах; и все время, пока труп лежит внутри дома, должны идти попойки и игрища до того дня, когда труп сжигается. В тот день, когда они собираются нести тело умершего на костер, они делят его имущество (*his feon*), сколько его осталось от попойки и игрищ, — на пять или шесть частей, иногда и больше, судя по количеству имущества. Затем они кладут большую часть его на расстоянии одной мили от места погребения покойника, — потом другую, потом третью, — пока все не будет разложено на пространстве одной мили. Самая маленькая часть должна лежать ближе всего к тому месту, где находится мертвый человек. Затем должны собраться все люди, которые имеют самых быстрых в стране лошадей, — приблизительно на расстоянии пяти или шести миль от вещей (*from þam feo*, т. е. от выложенного имущества. — *В. П.*). Потом они все начинают скакать по направлению к выложенному имуществу (*þonne ærnað hy ealle toward þam feo*). При этом человек, имеющий самую быструю лошадь, достигает первой и самой большой части; так один за другим они разбирают все имущество; и тот берет меньшую часть, кто достигает ближайшей ко двору части имущества. Потом каждый едет с добытым добром своей дорожкой и имеет право оставить все (захваченное) у себя. И потому там необыкновенно дороги быстрые лошади. И когда его (т. е. умершего) наследство (*hys gestreon beoð*) таким образом совершенно расхищается (*aspended*), тогда выносят его (т. е. труп) наружу и сжигают вместе с оружием и одеждой. Так расточается все его (умершего) имущество, по причине долгого лежания мертвого человека в его доме и вследствие обычая выкладывания имущества на дороге» (SRP. I, 734).

Эта длинная цитата для нас интересна не только потому, что она удостоверяет обычаи пруссов сжигать тела покойников. Ее главное значение для нас заключается в том, что, по рассказу Вульфстана,

имущество покойного после его смерти рассматривалось как своего рода общественное достояние, которое отчасти пропивается и проедается на погребальных пиршествах, а отчасти разыгрывается на приз и достается как награда победителям на похоронных скачках. Можно думать, что Вульфстан преувеличивал распространенность этого обычая, говоря, что во всех случаях и все имущество умершего подвергалось такого рода расхищению на погребальных пирах и конных состязаниях. Может быть, такого рода розыгрыш имущества на скачках допускался только в тех случаях, когда лицо не было сына-наследника. Ведь Вульфстан был только путешественником, побывавшим в Пруссии лишь в течение короткого времени, и обстоятельно с ее обычаями он ознакомиться не мог. Его поразили необычайные для его родины факты, которые он наблюдал во время похорон, и он мог отдельные случаи расхищения наследства принять за общее правило. Может быть, даже и в случае отсутствия прямых наследников мужского пола, расхищалось не все имущество, а часть его оставлялась для ближайших родственников по женской или боковой линии. Но при всех этих предполагаемых ограничениях расхищение наследства — хотя бы и частичное — было, очевидно, довольно частым явлением, иначе оно не обратило бы на себя особого внимания Вульфстана, — в общем, правдивого и наблюдательного рассказчика. Пышные похороны умерших, особенно знатных людей, были обычным явлением у многих народов — и при том находящихся не только на доклассовых, но и на ранних классовых ступенях развития. Известно, какие огромные жертвы в честь богов приносились при похоронах царей, жрецов и знати на Древнем Востоке — и в Египте, и в Вавилонии, и в др. восточных государствах. Всем памятна гекатомбы в честь погибших героев, описанные в Илиаде Гомера. И у современных отсталых народов Африки, по описаниям путешественников, устраиваются такие пышные похороны умерших царьков, сопровождавшиеся угощениями и играми, что на них тратятся почти все накопившиеся в «царских» хранилищах запасы. Все это свидетельствует об одном и том же, — а именно, что на ранних ступенях развития частная собственность еще недостаточно укрепилась и что, ввиду непрочности и необеспеченности уже имевшихся накоплений, накопленные богатства не особенно ценились и под разными предлогами довольно часто подвергались расхищению. Это объяснение погребальных обычаев у пруссов времени Вульфстана недостаточной прочностью частной собственности подтверждается и другими более поздними данными, свидетельствующими о сохранении у пруссов общинных

порядков вплоть до орденского завоевания и даже в первое время после завоевания. Об этом придется говорить ниже.

Заканчивая эту главу, мы должны отметить, что в Пруссии в конце первого тысячелетия н. э. все хозяйственные, социальные и политические отношения находились еще в неустойчивом, переходном и недостаточно оформившемся состоянии. Переходное время переживала форма собственности, не оформились классы, не оформилась княжеская власть, не определился характер управления. Частная собственность и накопление богатства ограничивались существованием общины; в народе еще держались взгляды, что при наличии некоторых условий, — вероятно, при отсутствии прямых наследников мужского пола — наследство — по крайней мере при некоторых условиях — еще рассматривалось как общественное достояние, как предмет общего пользования, расхищения, призовой награды для победителей на играх и, может быть, средство для умиловивления богов путем принесения им обильных жертвоприношений из имущества умершего и во славу его. Уже одно это было препятствием для частного накопления, которое только задерживалось, но не уничтожалось, ибо, с одной стороны, появлялись богатые люди, а с другой, рядовые члены общины беднели и разорялись. До каких пределов дошло разорение одних и обогащение других, насколько резко отделялись в то время низшие слои общества от высших, — об этом у нас, к сожалению, нет вполне точных данных. Мы можем только сказать, что и здесь положение было переходным, и предполагать наличие особенно больших накоплений мы для того времени не имеем оснований. Самое деление общества на основе имущественных отношений, по-видимому, было только преобладающим, но не исключительным, ибо, как увидим ниже, в Пруссии даже и в последующую эпоху были еще сильны родовые союзы, особенно среди знати. По-видимому, пути к богатству тогда еще в значительной степени открывались через знатность, и понятия богатства и знатности по большей части, хотя и не всегда, еще совпадали.

Такой же переходный характер имела и власть местных князьков (кюнинггов). Она еще не доросла до значения государственной власти; у князьков еще отсутствовали средства и органы принуждения; их власть даже и в более позднее время ограничивалась более примитивными, свойственными патриархальным порядкам, органами — советом знати и народным собранием; самая территориальная ее распространенность была еще очень невелика, ввиду крайней раздробленности тогдашней Пруссии.